

В. В. ШИМОВ,
КАНДИДАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

БЕЛОРУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Рассматриваются особенности формирования белорусской идентичности в контексте интеграционных процессов России и Беларуси. Анализируются причины возникновения разных моделей белорусской идентичности и конфликтности между ними. В контексте разных моделей белорусской идентичности рассматривается образ России, а также варианты российско-белорусских отношений в белорусском самосознании. Указываются риски, связанные с потенциальным конфликтом идентичностей, который присутствует в Беларуси.

Specific features of Belarusian identity formation are considered in the context of integration processes between Russia and Belarus. Analysis is given to the reasons for building various models of Belarusian identity and conflicts between them. The models of Belarusian identity are used as context to consider the image of Russia, and variants of Russian-Belarusian relations in Belarusian consciousness. Discussed are the risks connected with a potential conflict of identities that takes place in Belarus.

Ключевые слова: интеграция; идентичность; национализм; Россия; Беларусь.

Key words: integration; identity; nationalism; Russia; Belarus.

Интеграционные процессы эпохи глобализации в современных социогуманитарных науках традиционно рассматриваются с экономико-центристских позиций. Безусловно, экономико-технологический базис является важнейшей предпосылкой интеграционных процессов. Вместе с тем не стоит недооценивать и фактор идентичности, основанный на представлениях об исторической, культурной, ценностной, цивилизационной общности народов и государств, вступивших на путь интеграции.

В этих условиях интеграционные процессы на постсоветском пространстве протекают в условиях подлинного кризиса идентичности. Дискредитация и крах советского проекта, всплеск национализма в бывших союзных республиках – все эти факторы осложняют взаимодействие между новыми независимыми государствами, возникшими после распада СССР. Объективная экономическая и геополитическая взаимозависимость постсоветских государств подталкивает к поиску новых интеграционных моделей, однако наполнить их новым позитивным идеологическим содержанием непросто, что, в свою очередь, обуславливает «пробуксовку» интеграционных процессов.

Для Республики Беларусь интеграция на постсоветском пространстве означает в первую очередь выстраивание отношений с Россией, с которой ее объединяют не только основные экономические и технологические контакты, но и многовековой опыт совместного проживания в общих политических образованиях, а также глубокие историко-культурные связи. Белорусско-российские отношения не могут быть эмоционально не окрашенными, и фактор идентичности в контексте белорусско-российской интеграции приобретает особенное значение.

Оценки и интерпретации белорусско-российских отношений (как в исторической ретроспективе, так и на текущем этапе) разнятся в зависимости от политико-идеологических пристрастий.

Разброс мнений варьирует от радикальных последователей национализма, утверждающих непримиримый национально-культурный антагонизм между Беларусью и Россией, до сторонников западнорусизма, считающих белорусов неотъемлемой частью «триединого русского народа» наравне с велико- и малорусами (украинцами).

Столь разные интерпретации белорусско-российских отношений закономерно порождают несхожие и даже взаимоисключающие образы белорусов как национального сообщества. Многие исследователи пришли к мысли о раздробленности и фрагментированности белорусского культурно-политического пространства. Н. Лещенко пишет о феномене «неосоветского сознания», которое следует традициям БССР (в том числе в ориентации на политико-культурный союз с Россией) и притивостоит носителям прозападной национальной идеи [1]. Историк О. Г. Буховец высказывает мысль о борьбе между западнорусизмом и белорусским национализмом за правообладание белорусским национальным дискурсом, а также о неочевидности исхода этого столкновения [2]. О противостоянии прозападного национализма и сторонников политического союза восточных славян на культурно-цивилизационной основе пишут В. А. Мельник и И. Я. Трещенок [3, 4].

Однако причины подобного национально-идеологического разлада остаются до конца не выясненными: авторы либо ограничиваются констатацией такого раскола, либо выступают с идеологически ангажированных позиций, что приводит к ранжированию альтернативных национально-политических концепций на «свои» и «чужие», «правильные» и «неправильные».

Говоря об альтернативных концепциях белорусско-российских отношений, мы будем иметь в виду прозападный белорусский национализм и западнорусизм как наиболее удобные для анализа «идеальные типы», поскольку все прочие варианты так или иначе находятся в спектре между этими двумя идеологическими полюсами.

В современной Беларуси западнорусизм в чистом виде практически отсутствует, поскольку за период советской власти эта идеология была основательно дискредитирована как шовинистическая и отрицающая существование самостоятельной белорусской нации. Тем не менее все пророссийские идеологические построения и по сей день основываются на западнорусском дискурсе, апеллирующем к эксклюзивной культурно-цивилизационной близости восточнославянских народов. Однако сама тема западнорусизма остается во многом табуированной, что не позволяет осмыслить это явление должным образом. Между тем адекватное осмысление феномена западнорусизма дает возможность по-новому взглянуть на всю схему национального генезиса белорусов.

Основным тезисом классического западнорусизма было утверждение национального единства бело-, мало- и великорусов на базе культурно-языкового, религиозного и государственного наследия Киевской Руси. Западнорусы утверждали, что национальное единство восточных славян – русичей – не прерывалось и после разделения Древней Руси между Москвой и литовско-польским государством, а идея воссоздания общерусской государственности пережила испытание многовековой политической разобщенностью и воплотилась в жизнь уже в рамках Российской империи.

В современной Беларуси распространен стереотип о западнорусизме как об официальной имперской идеологии, направленной на ассимиляцию белорусов. Действительно, большинство сторонников западнорусизма были лояльными верноподданными Российской империи и православными монархистами по убеждениям. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что в западнорусских текстах нередка, пусть и очень осторожная, критика имперских властей, причем указывающая на противоречивость и непоследовательность политики по поддержке «русских элементов» в крае. Основным недостатком имперской политики, по мнению западнорусов, было стремление к компромиссу с польской аристократией, в том числе ценой уступок в национально-культурном влиянии на белорусское население. Так, все западнорусские авторы согласованно отмечают, что именно под властью России своего пика достигла полонизаторская тенденция на белорусских землях (вплоть до 1830-х гг.). Указываются многочисленные факты полонофильства и нерадения за «русское дело» со стороны имперского чиновничества, а также попытки достичь неприемлемого, с точки зрения западнорусизма, компромисса с поляками уже после того, как доктрина «русского дела» стала доминирующей в российской политике [5, с. 197–204; 6, с. 302–333; 7, с. 49–274]. Таким образом, было налицо определенное несоответствие ожиданий западнорусов и реальных действий имперских властей. Это позволяет утверждать, что западнорусизм был не результатом обдуманной политики Российской империи, а гражданской инициативой снизу, и интересы этого гражданского движения и империи были далеко не всегда тождественны.

Российская империя до конца своего существования сохраняла черты феодальной сословной монархии, опиравшейся на лояльность региональных привилегированных сословий, которые, признавая власть российского императора, могли сохранять многие традиционные культурно-языковые и политико-правовые особенности своей жизни. С этой позиции совершенно понятны попытки Российской империи найти общий язык с польским аристократическим меньшинством на белорусских землях и сделать его опорой своей власти в крае. Идея нации как внесословного сообщества, объединенного общностью культуры, языка, исторических преданий, была во многом чужда российскому государству. Между тем западнорусизм был именно национальным движением и исходил из интересов национальной группы (белорусов как части «триединого русского народа»), а не баланса интересов разноэтнических аристократических групп. Российская империя сделала ставку на

западнорусизм лишь тогда, когда очевидной стала неполяльность польской шляхты (восстания 1831 и 1863 гг.), но и после этого не могла до конца отказаться от традиционной сословной политики.

Представление о западнорусизме как национальном движении, возникшем внутри белорусского общества, заставляет нас серьезно пересмотреть схему белорусского национального генезиса, в соответствии с которой обособление белорусов от прочих восточных славян в качестве самостоятельной этнополитической группы произошло уже в XIV–XV вв. Полного этнополитического отмежевания не было и в XIX в. Это можно объяснить тем, что земли Древней Руси, несмотря на многовековое политическое разделение, сохраняли достаточно высокую культурно-информационную связность «поверх» государственных границ. Благодаря этому поддерживалось представление о восточных славянах как о едином русском народе, пусть и живущем в разных государствах. По мере нарастания политико-культурного давления со стороны католиков и униатов в православной среде Речи Посполитой получала поддержку идея не только культурно-религиозного, но и политического единства восточных славян, центром притяжения которых становилось Московское государство. В XIX в., после присоединения белорусских земель к России, эта идеология окончательно оформилась в виде западнорусизма.

Утверждение о том, что восточнославянские земли в значительной степени сохранили культурно-информационную связность после распада киевской государственности, опровергает ставшую традиционной схему национального генезиса белорусов. Эта схема напрямую связывает формирование белорусов как самостоятельной культурно-исторической общности, обособленной от остальных восточных славян, со становлением Великого княжества Литовского. Здесь срабатывает логика так называемого «государственнического» детерминизма: формирование тех или иных национальных групп всецело зависит от государственных образований, существовавших на данной территории в тот или иной период. Однако европейская история знает немало примеров, когда культурно-информационные пространства, на основе которых формировались национальные общности, далеко не всегда совпадали с реальными политическими границами. Наиболее яркими примерами являются Германия и Италия, земли которых на протяжении столетий оставались политически раздробленными и объединились в национальные государства лишь в XIX в. Однако, несмотря на политическую децентрализацию, эти территории поддерживали активные экономические, политические и культурные связи, что обеспечивало интенсивное перемещение людей и информационный обмен и способствовало формированию общенациональной культуры и выработке универсального наддиалектного языкового стандарта.

Этнополитические процессы на восточнославянских землях имеют как сходства, так и особенности по сравнению с итало-германской ситуацией. Киевская Русь, подобно Священной Римской империи, представляла собой аморфную конфедерацию княжеств, нередко враждующих между собой. Тем не менее культурно-политические связи между княжествами, а также наличие таких интегрирующих институтов, как великокняжеский престол и церковь, способствовали формированию на базе восточнославянских племен древнерусской этнополитической общности (древнерусской народности), обладавшей единым культурно-информационным пространством и универсальным наддиалектным языковым стандартом. Очевидно, что если бы Древняя Русь устойчиво развивалась по примерно тому же сценарию, что и Священная Римская империя, то эта этнополитическая общность постепенно трансформировалась бы в единую нацию, а белорусы, русские и украинцы не сложились бы как отдельные народы (впрочем, на наш взгляд, об их окончательном национальном размежевании нельзя говорить даже сегодня).

Однако геополитическая катастрофа в виде монголо-татарского нашествия обрушила неустойчивую конструкцию Руси и привела к включению отдельных древнерусских земель в новые государственные образования – Великое княжество Литовское (впоследствии – Речь Посполитую) и Московское государство. Разумеется, новое государственно-политическое размежевание не означало автоматического угасания общерусской идеи и формирования новых восточнославянских этнополитических общностей – белорусской, русской и украинской. Еще долгое время оба политических центра – и Москва, и Вильна – рассматривали Русь как единое этнополитическое пространство и вели борьбу за доминирование на этой территории.

О сохранявшейся в «послекиевский» период политической связности Руси свидетельствуют многочисленные браки литовских и русских княжеских родов (в том числе представителей московского рода Рюриковичей), а также регулярные переходы удельных князей из литовской в московскую службу и наоборот.

Однако Великое княжество Литовское втягивается в союз с Польшей, что обуславливает постепенное накопление культурно-политических, языковых и мировоззренческих различий между восточнославянским населением Московского государства и литовско-польской державы. В то время как Московское государство развивалось в направлении монархического абсолютизма, а в политико-культурной области долгое время придерживалось православного изоляционизма, в ВКЛ формировался феодальный (шляхетский) парламентаризм, а местное русское население оказалось в ситуации культурной открытости западному миру и перенимало многие черты западноевропейского уклада жизни. Накапливались и этноязыковые различия: восточнославянское пространство все отчетливее распадалось на три этнографические зоны.

Но несмотря на произошедшие изменения, «общерусский» пласт культуры оставался значимым в сознании восточных славян, что способствовало поддержанию образа Руси как некоего культурно-исторического и религиозного единства, а также обеспечивало определенный культурно-информационный обмен между политически разделенными частями Руси. Например, М. В. Дмитриев указывает на тесную взаимосвязь культурных процессов в православных традициях Московской и Литовской Руси, а О. Б. Неменский отмечает значимую роль, которую играли в политико-культурной жизни Литвы эмигранты из Москвы, бежавшие от террора Ивана Грозного (в том числе знаменитый князь Андрей Курбский) [8, 9].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что православная общественность Речи Посполитой, начав испытывать притеснения со стороны католиков и униатов, обратилась за защитой в Москву, апеллируя к идее культурно-религиозного родства восточных славян – русичей.

Вместе с тем существенные культурно-исторические различия между группами восточных славян не могли не осложнить их взаимную интеграцию в рамках Российской империи. С аналогичными проблемами столкнулись также Германия и Италия в ходе своего национально-политического объединения. Историко-культурная пестрота земель, обусловленная длительной политической раздробленностью, становилась существенным препятствием на пути национальной консолидации, порождая многочисленные конфликты и недоразумения. В результате в Италии до сих пор сохраняется заметная напряженность между севером и югом страны, а Германия так и не смогла объединить в своем составе все германоязычные земли: «за бортом» немецкого государства остались карликовые периферийные образования, такие как Лихтенштейн и Люксембург, а также Австрия и германские земли Швейцарии. Кроме того, здесь существовал проект этнокультурного обособления северных групп немцев путем развития самостоятельного (нижненемецкого) литературно-языкового стандарта. (По сути, такого рода обособление произошло в Нидерландах, где местный диалект, близкий к нижненемецкому, развился в самостоятельный литературный язык.)

Во многом подобным образом развивалась ситуация и на восточнославянских землях после их объединения в рамках Российской империи. Так, сторонников западнорусизма можно сравнить с последователями пангерманской идеи, выступавшими за политическое объединение немецких земель и формирование общего культурно-информационного пространства на основе единого наддиалектного литературного языка (общенемецкий язык сложился на базе верхненемецких диалектов). Подобно пангерманистам западнорусы выступали за общее для всех восточных славян культурно-информационное пространство, где в качестве общерусского признавался литературный язык, сформированный в XVIII–XIX вв. на великорусской диалектной основе дворянской интеллектуальной элитой Москвы и Петербурга. Белорусские и малорусские (украинские) диалекты и местная фольклорно-этнографическая специфика рассматривались сторонниками западнорусизма как региональное своеобразие, органически дополняющее «высокую общерусскую культуру». Существование самобытных диалектов, заметно отличных от литературной формы, не воспринималось как противоречащее общерусскому национальному единству, более того, диалекты рассматривались как «богатейший фонд, откуда единый русский язык может освежаться и оживляться еще много веков» [10, с. 17]. Отметим, что модель сосуществования

местных диалектов и общенационального литературного языка реализована в современной Германии.

Однако подобно немецкой объединительной идее, встретившей противодействие в виде региональных политических и этнокультурных сепаратизмов, концепция большой русской нации, объединяющей всех восточных славян, столкнулась с похожей проблемой. Длительная политическая раздробленность Германии обусловила не только значительные этнокультурные различия между отдельными землями, но и множественность региональных центров силы, не желавших жертвовать политической самостоятельностью ради общенемецкой консолидации. Известно, что объединение Германии осуществлялось под эгидой Пруссии. Однако у прусской модели объединения нашлось немало оппонентов. Германо-швейцарцы предпочли господству Пруссии швейцарскую конфедерацию. Австрия, длительное время конкурировавшая с Пруссией за лидерство в общенемецком объединении, также не была интегрирована в прусский объединительный проект. Наконец, Нидерланды, успешно реализовав собственный политический проект, связанный с освоением морских коммуникаций и построением трансокеанической империи, в отличие от других нижнемецких земель, сохранили не только политическую, но и лингвистическую самостоятельность.

Аналогично у общерусского объединительного проекта под эгидой Москвы и Петербурга в Беларуси и на Украине нашлись свои оппоненты, причем эта оппозиция могла проявляться в разных формах. В наиболее умеренном варианте она не предполагала отказа от идеи общерусского единства, однако требовала более либеральной организации политического союза восточных славян с учетом культурно-исторических особенностей отдельных земель. Подобных взглядов придерживается историк Н. И. Костомаров [11]. Автор высказывается в пользу политико-культурной автономии «Южной Руси» (т. е. Украины), признавая вместе с тем, что и малороссы, и великороссы являются равными русскими народностями и должны жить в одном государстве, а литературная обработка «малорусского» языка не должна препятствовать общению этнических групп восточных славян и разрушать «общерусское» культурно-информационное пространство. Несмотря на то что мы пишем о двух русских народностях – малороссах и великороссах, наши выводы могут быть также распространены на Беларусь и белорусов.

Однако многие общественно-политические деятели Беларуси и Украины постепенно «дрейфуют» от этой умеренной позиции, которую можно охарактеризовать как автономизм или региональный патриотизм, в сторону еще более радикального переосмысления отношений между восточными славянами. Увлечение народной этнографией и фольклористикой, региональной историей, литературные опыты на народных наречиях часто сопровождались разочарованием в российской государственности. Российская империя, будучи одним из самых консервативных государств Европы, сохранявшим многие элементы архаичной средневековой структуры (крепостное право, сословное неравенство, отсутствие парламентских институтов), становилось объектом нарастающей критики со стороны либеральной интеллигенции, настаивавшей на социально-политических и экономических реформах по модели западных стран. Помимо того, в Россию проникали радикальные социалистические идеи, ориентированные на революционные преобразования и тотальный слом старой системы. Значимой силой, подрывавшей легитимность российской монархии, стало народничество, направленное на политико-экономическую эмансипацию крестьянского сословия, составлявшего подавляющее большинство населения империи. В этих условиях вполне закономерно разочарование части белорусско-украинской интеллигенции в идее национально-политической консолидации восточных славян вокруг России. Россия стала восприниматься как отсталое и деспотичное государство-угнетатель. В качестве альтернативы российскому господству была выдвинута идея национально-политического суверенитета, основанная на этнокультурном своеобразии белорусов и украинцев, а также на предшествующей государственной традиции, не связанной с Россией (для Украины это казацкая Гетманщина, для Беларуси – Великое княжество Литовское).

Особенностью белорусского национального движения в сравнении с украинским было то, что если украинское движение выросло из малорусского регионального патриотизма, то в белорусском присутствовали многие изначально «нерусские» элементы. Это связано с гораздо более сильным и всеохватным польским влиянием

в Беларуси. Так, значительную часть кадрового резерва белорусского движения составила мелкая католическая шляхта, которая, находясь под польским культурным влиянием, сохраняла тесную связь с крестьянской средой и в силу этого могла проникнуться идеей национально-политического освобождения белорусского крестьянского люда. Учитывая политико-экономическое влияние польской аристократии, белорусское движение обрело не только антироссийский, но и антипольский характер. Неслучайно в пьесе Янки Купалы «Тутэйшыя» экзистенциально враждебные белорусам силы представлены в образе русского и польского ученых-этнографов, обосновывающих «исконную» принадлежность Беларуси России и Польше соответственно.

Еще одной специфической группой, примкнувшей к белорусскому движению, стала та часть униатов, которая, формально перейдя в православие после 1839 г., не приняла общерусскую идентичность. При этом отметим, что белорусское униатство не было однородным. Значительная часть униатов сохранила историческую «русскую» идентичность и стремилась избавиться от авторитарной опеки католической церкви, влекшей за собой латинизацию обрядов и национально-культурную полонизацию. Именно представители униатства стали «локомотивом» процесса слияния с Русской православной церковью, а также кадровым резервом для западнорусского направления: многие сторонники западнорусизма были потомками воссоединившихся с православием униатских священников. С другой стороны, уния, несомненно, способствовала отчуждению многих униатов от русского православия и сближению их с польско-католической культурой. Однако ассимиляция унии польским католицизмом так и не была доведена до логического завершения, а в рамках Российской империи начался обратный процесс обособления униатов от католиков. Вместе с тем после формальной ликвидации унии так и не удалось полностью преодолеть отчуждение, которое установилось между православными и униатами. Как следствие, в среде воссоединенных униатов начинала развиваться национальная идея, построенная на противопоставлении себя как полякам, так и русским. В связи с этим весьма показательным представляется мотив униатства как «национальной» веры белорусов, впоследствии ставший характерным для белорусского национализма.

Таким образом, в XIX в. в Беларуси сформировались две версии национальной идентичности: западнорусизм, поддерживаемый сторонниками национально-политической консолидации восточных славян вокруг Российской империи, и белорусский национализм, возникший в среде, разочарованной российским политико-культурным доминированием или не принявшей его. Эти национально-политические идеологии, будучи взаимно исключаящими по своим установкам, оказались в состоянии острой конкуренции и вражды.

Существенные коррективы в ход этого противостояния внес советский период. В своей позиции по национальному вопросу большевики руководствовались классовой теорией, перенося концепцию классовой борьбы и на национальные отношения. Как и классы, нации подразделялись большевиками на угнетаемые (т. е. объекты колониальной эксплуатации) и угнетающие (империалистические нации, эксплуатирующие колонии в своих эгоистических интересах). В связи с этим национальные движения угнетаемых наций оценивались как прогрессивные и ориентированные на социалистическую революцию, поскольку основной задачей таких движений является устранение капиталистической эксплуатации со стороны наций-угнетателей. Соответственно, национализм угнетающих наций был в большевистской трактовке ни чем иным, как явлением сугубо реакционным, направленным на поддержание и укрепление колониальной эксплуатации. Исходя из этого, задачей социалистической революции являлась поддержка национальных движений угнетенных народов и борьба с реакционным национализмом империалистических наций. Применительно к бывшей Российской империи данная схема выглядела так: существует единственная угнетающая нация – великорусская, которая притесняет и эксплуатирует все остальные народности. С учетом этой схемы основной задачей большевиков становилась борьба с русским «великодержавным шовинизмом» и стимулирование национального развития «угнетенных» народностей (разумеется, в рамках советской социалистической федерации). Советский Союз рассматривался ранними большевиками как прообраз будущей мировой социалистической федерации – свободного объединения национальных республик, связанных общими

социально-политическими идеалами и социалистическим (впоследствии – коммунистическим) способом производства. Создание социалистического государства, в котором «угнетенные» народности получили свободу национального развития, по мысли большевиков, должно было стимулировать развитие освободительного движения угнетенных народов во всем мире и приблизить таким образом мировую социалистическую революцию.

Данная национальная доктрина закономерно обуславливала поддержку большевиками белорусского национального движения, а также борьбу с общерусской концепцией как проявлением российского «великодержавного шовинизма», направленного на национальное угнетение и ассимиляцию белорусов. В республике разворачивается политика, направленная на форсированную литературную обработку и кодификацию белорусского языка, а также его внедрение во все сферы жизни вместо русского. Несогласных с подобной политикой обвиняют в «великодержавном шовинизме».

Однако в 1930-е гг. оптимистические ожидания мировой революции и становления всемирной социалистической федерации сменяются ощущением «осажденной крепости». Мировая революция откладывалась на неопределенный срок, СССР оказался в недружественном международном окружении, что вызвало к жизни доктрину «построения социализма в одной стране». Это требовало выработки чувства общего советского Отечества у граждан СССР и оказывалось несовместимым с дальнейшим стимулированием нациестроительства в союзных республиках. Национальные движения начинают рассматриваться как угроза потенциального предательства и перехода на сторону врага ради решения своих узконациональных задач. Это становится поводом для массовых репрессий в отношении национальных активистов в союзных республиках. Политика по стимулированию национальных идентичностей сменяется мерами, направленными на формирование наднациональной политической общности – советского народа.

В отношении русских, украинцев и белорусов, в совокупности составлявших абсолютное большинство населения СССР, идея общего советского Отечества дополняется мотивом особой исторической и этнокультурной близости восточных славян, обуславливающей их государственно-политическое единство. Так возникает доктрина «трех братских народов», которая, не пересматривая официально признанный советской властью статус белорусов и украинцев как отдельных народов, берет на вооружение значительную часть идеологического инструментария западно-русизма.

В условиях централизованного управления резко возрастает роль русского языка как универсального средства коммуникации, что приводит к переориентации большинства белорусов на русскоязычную культуру. На наш взгляд, это было обусловлено как внутренней слабостью и незрелостью белорусскоязычной традиции, которая не смогла выработать форм высокой культуры, способных конкурировать с русской культурой, так и остаточным влиянием западнорусизма, которое пережило период белорусизации и получило новый стимул к развитию под эгидой доктрины «трех братских народов».

После распада СССР конфликт между пророссийскими и национально ориентированными силами (представленными преимущественно гуманитарной интеллигенцией, занятой в сфере воспроизводства и развития белорусскоязычной традиции и не удовлетворенной степенью ее востребованности обществом) вспыхнул с новой силой. Период 1991–1994 гг. характеризовался политико-идеологическим доминированием национальных сил, стремившихся распространить на все белорусское общество свои политико-идеологические и национально-культурные воззрения. После 1994 г. и по настоящее время снова доминирует пророссийский тренд, связанный с ориентацией на политико-экономический союз с Россией и воспроизводством сложившегося в БССР культурно-языкового баланса, который характеризуется доминированием русского языка в большинстве сфер жизни общества.

Сегодня конфликт между сторонниками альтернативных концепций национально-политического самоопределения Беларуси находится в латентном состоянии, но не снят с повестки дня. Очевидно, что в национально ориентированной среде зреют реваншистские настроения, обусловленные неудовлетворенностью сложившейся в Беларуси политической и культурно-языковой ситуацией. В определенный момент это может привести к новому витку политико-идеологического противостояния в республике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Leshchenko N.* A fine instrument: two nation-building strategies in post-Soviet Belarus // Nations and Nationalism. 2004. № 10 (3). P. 333–352.
2. *Буховец О. Г.* Эра национализма и образование наций в Европе (часть вторая) // Современ. Европа. 2009. № 3. С. 73–85.
3. *Мельник В. А.* Славянская семья // Беларус. думка. 2004. № 10. С. 145–153.
4. *Трещенок Я. И.* Две белорусские национальные идеи (католический национал-сепаратизм и православная национальная идея) : материалы VII Междунар. Кирилло-Мефодиевских чтений, посвящ. Дням славян. письменности и культуры (Минск, 22–24 мая 2001 г.) : в 2 ч. Минск, 2002. Ч. 1, кн. 2.
5. *Киприанович Г. Я.* Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Вильна, 1899.
6. *Коялович М. О.* Чтения по истории Западной России. СПб., 1884.
7. Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорскою академиею наукъ по заещанию автора : в 3 т. СПб., 1883. Т. 1.
8. *Дмитриев М. В.* Православная культура Московской и Литовской Руси в XVI в.: степень общности и различий // Белоруссия и Россия. История и культура : ежегодник. М., 2003. С. 9–22.
9. *Неменский О. Б.* «Русская земля» как базовое понятие русской идентичности // Золотой лев. 2009. № 217/218. С. 12.
10. *Кулаковский П.* Русские сепаратизмы // Окраины России. 1912. № 2.
11. *Костомаров Н. И.* Две русские народности // Основа. 1861. № 3. С. 33–80.

Поступила в редакцию 02.10.2015.